«Внешне Российское государство как будто не притесняет своих мусульманских подданных»

(Татары-мусульмане глазами османских чиновников конца XIX в.)

Российская политика второй половины XIX в. по отношению к народам Волго-Уральского региона характеризовалась усилением русификаторских и ассимиляторских тенденций, выразившихся, в частности, в активизации миссионерской деятельности и борьбе со случаями «отпадения» от православия среди нерусских народов, и зачастую велась полицейскими методами[1].

Предпринимались попытки изъятия из медресе использовавшихся в учебном процессе рукописей и изданных за пределами России книг, цензурирования Корана. Был подписан указ об обязательном знании русского языка имамами и другими мусульманскими духовными лицами (что, по мнению значительной части мусульманского духовенства, почти исключало возможность занятия этих должностей лицами, закончившими авторитетные в мусульманском мире среднеазиатские, египетские и другие медресе). На эти меры властей мусульманское население ответило волной прошений и петиций в различные российские инстанции. В обращениях содержались призывы отменить ряд правительственных распоряжений, по мнению мусульман, ущемляющих их права и противоречащих исламскому вероучению[2].

Конечно, все эти события не могли не стать известны в Стамбуле как в результате деятельности османского посольства в России, так и пересказов переселенцев-мухаджиров, а также на основании прошений, направлявшихся в Турцию российскими мусульманами, не получившими удовлетворения своих протестов на родине[3].

Известно, что султан Абдул-Хамид II, занимавший османский трон в 1876-1909 гг., в большей степени чем его предшественники позиционировал себя как халифа — «наместника пророка Мухаммада на земле»[4]. Эта установка, с одной стороны, еще больше привлекала недовольных своим положением представителей мусульманских народов мира, и ранее искавших помощи или убежища в «обители халифата», с другой — не могла не оказывать вли-

яние на внешнюю политику Османской империи, побуждая если не прямо вмешиваться в дела государств, имевших в своем составе магометанское население*, то хотя бы внимательно наблюдать за положением их мусульманских подданных.

Именно в этом контексте следует рассматривать предлагаемые вниманию читателей донесения двух сотрудников турецкого посольства в России — пятого секретаря Абдур-Реззака и первого секретаря сеида Абдул-Баки, присутствовавших на праздничных намазах мусульман, проживавших в Санкт-Петербурге. Описанные ими богослужения состоялись по случаю Ураза-байрама (Праздника разговения) в 1890 г. и 1891 г. соответственно. Донесения дипломатов содержат сведения исторического, религиозного и даже этнографического характера, а также попытки анализа положения российских мусульман.

Большое внимание турецкие чиновники обратили не только на различия в порядке исполнения религиозных обрядов у османов и российских мусульман, но и на внешний вид последних. Наблюдаемая дипломатами картина привела их к выводу о том, что российские мусульмане притесняются властями и в целом поставлены в условия, способствующие «элементарному забвению» своей религии.

Отметим, что порядок совершения праздничных богослужений, наблюдавшихся ими в Санкт-Петербурге, несмотря на высказанные в донесениях Абдур-Реззака и особенно Абдул-Баки замечания, не нарушал канонов, принятых в ханафитском мазхабе**. Праздничная проповедь перед общественной молитвой у суннитов состоит из двух частей: первая — вагаз, которая обычно читается на языке местного населения, вторая — хутба, обязательный элемент общественной молитвы. Хутба имеет канонизированное содержание, читается на арабском языке и, в свою очередь, также состоит из двух частей: в первой ее части идет восхваление Бога, Пророка, учителей и светских правителей, во второй содержатся просьбы к Богу. Эти части делятся непродолжительным промежутком времени, когда все молящиеся индивидуально обращаются к Богу[5]. Мусульманам вменятся исключительно внимательно слушать имама-хатыба, читающего хутбу. В это время запрещается даже чтение намаза. Иногда после хутбы читаются дополнительные вагазы, либо возносятся дополнительные молитвы на языке местного населения. Кроме хутбы, остальные элементы праздничного и пятничного богослужения строго не регламентированы.

Вопреки предположению Абдул-Баки, наблюдавшийся им в Петербурге порядок чтения праздничной проповеди не был намеренно изменен в угоду российской администрации. По-видимому, только отсутствие громкого прославления Аллаха — такбира*** могло быть связано с давлением властей. В то же время тихий такбир, или такбир про себя, с точки зрения ханафитского мазхаба, вполне допустим в случае отсутствия соответствующих условий.

Абдул-Баки пишет о том, что петербургский имам в ходе богослужения использовал скромный для праведных халифов**** титул — «повелители правоверных», тогда как по традиции должен был называть их «истинные преемники Посланника Аллаха». Предположение Абдул-Баки о том, что это могло быть связано с раздражением российского правительства «каноническим титу-

*У ослабевшего к тому времени Османского государства не было на это ни сил, ни возможностей. Впрочем, и в лучшие годы внешняя политика Высокой Порты отличалась прагматизмом, и защита интересов своих единоверцев в других государствах, кажется, никогда не играла заметной роли в сношениях с иностранными государствами. Напротив, Россия по мере возможности всегда стремилась укреплять свои позиции среди православных христиан Османской империи (см., например: Панченко К. Ближневосточная политика Московского царства // Русский строй: сборник статей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.netda.ru/sborniki/rustroj/rs-panch1.htm; Гирс А. А. Россия и Ближний Восток. – СПб., 1906. – С. 2; Петросян Ю. А. Османская империя. – М., 2003. – С. 291, 326-327).

** Суннитский ислам делится на четыре религиозно-правовые школы — мазхабы: ханафитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский. Татары придерживаются ханафитского мазхаба, который являлся господствующим и в Османской империи.

*** Такбир — произнесение фразы «Аллах акбар» (Аллах велик).

**** «Праведными халифами» (Хулафâ'-и рâшидûн) у мусульман-суннитов именуются первые четыре халифа: Абу Бакр (632-634), Омар (634-644), Осман (644-656) и Али (656-661).

лом» праведных халифов, вряд ли имеет основание. Скорее всего, такова была местная мусульманская традиция.

Не менее поразил турецких дипломатов костюм и внешний вид живших в Петербурге «татарских мусульман», одетых и выглядевших согласно европейской моде: «У большинства из них (мусульман, пришедших на богослужение. — *Авт.*) на голове была тюбетейка, а рядом — шляпа; у некоторых из них отсутствовали борода и усы, у некоторых были сбриты только усы, у некоторых были раздвоенные бороды — словом, наблюдаемый нами у европейцев, неуместный [для мусульман] внешний вид», «их внешний вид давал повод принять их за русских».

Европейская одежда (особенно шляпы) традиционно рассматривалась турками как один из признаков «врагов веры»[*]. Тем более Абдур-Реззак-бею не понравилось несерьезное отношение к своей внешности и особе со стороны «несчастных российских мусульман»[**]. Впрочем, и Абдур-Реззак не преминул в своем письме съязвить по поводу «ханских отпрысков»[***], занимающихся содержанием ресторанов, — видимо, не самым престижным, с точки зрения образованного османа, делом.

К сожалению, турецкие дипломаты могли судить о положении российских мусульман только по жителям столицы империи. Мусульмане Москвы и Санкт-Петербурга жили дисперсно и были сильно интегрированы в российское общество. В то же время в Волго-Уральском регионе и Сибири мусульманское население, как правило, проживало отдельными селами или слободами в городах и долгое время сохраняло традиционный уклад жизни. Поэтому убеждение Абдул-Баки в том, будто порядок отправления праздничного богослужения в Санкт-Петербурге является показателем политики, проводимой Российским государством в отношении мусульман, и их истинного положения, являлось весьма ошибочным. Тем более, как следует из письма Абдур-Реззака, сотрудники турецкого посольства ранее не участвовали даже в праздничных намазах, которые проводили петербургские мусульмане.

По-видимому, внимание турецких дипломатов к религиозной жизни петербургских мусульман привлек и вопрос возведения в Санкт-Петербурге соборной мечети. Разрешение властей на сбор пожертвований было получено в 1883 г. после неоднократных обращений уполномоченных представителей мусульманской общины Санкт-Петербурга и лично оренбургского муфтия С. Тевкелева[****]. В качестве главного уполномоченного лица по сбору средств был утвержден ахун Гатаулла Баязитов[*****]. Хотя пожертвования на строительство мечети собирались по всему округу Оренбургского магометанского духовного собрания, сбор средств шел медленно[******]. В то же время возведение в российской столице соборной мечети предполагало, что эта мечеть станет главным мусульманским храмом империи[6]. Вероятно, именно поэтому информация о предполагаемом строительстве мечети в Санкт-Петербурге привлекла внимание лично султана Абдул-Хамида II и побудила высшие круги Османской империи обдумывать возможность оказания материальной поддержки со своей стороны. Нам неизвестно, оказала ли Порта реальную помощь, однако о значении, которое придавалось в Стам-

[*] Таким же было в то время отношение к русской (европейской) одежде у основной массы казанских татар (см.: Казанская татарская учительская школа 1876-1917 гг. – Казань, 2005. – С. 91-93).

[**] Видимо, поэтому посетивший намаз в следующем году Абдул-Баки решил не выделяться из толпы и одел татарскую тюбетейку.

[***] Очевидно, в этом замечании турецкого чиновника содержится намек на дворянское (из мурз и князей) происхождение представленных ему петербургским имамом татар.

[****] Тевкелев Селимгирей, в 1865-1885 гг. муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания.

[*****] Баязитов Гатаулла (1847-1911), религиозный и общественный деятель, публицист, издатель. Имам 2-го мусульманского прихода в Санкт-Петербурге.

[******] В докладной записке советника османского посольства в Санкт-Петербурге Али Ихсана б. Мехмеда о положении российских мусульман от 22 февраля 1891 г. говорится следующее: «Хотя среди мусульманского населения Петербурга, составляющего около двух тысяч человек, и объявлен сбор средств на постройку [небольшой] мечети (mescid), ввиду того что большая часть этого населения состоит из людей бедных, [организаторам] удалось собрать лишь несколько тысяч рублей, тогда как расходы на ее строительство составляют двести тысяч рублей. Поэтому пока ничего не построено» (Y. PRK. EŞA, 13/14; ксерокопию см.: НА РТ, ф. 169, оп. 1, д. 41, л. 50 об. Публикацию см.: Osmanlı Belgelerinde Kazan. – Ankara, 2005. – № 7 – S. 20).

буле этому вопросу, говорит то, что высокопоставленному чиновнику султанской канцелярии Кямиль-паше, дважды посещавшему Россию (в 1895 и 1896 г.), наряду с выполнением ряда дипломатических поручений, предписывалось собрать сведения о сумме, необходимой для строительства петербургской мечети[7]. Донесения посольских чиновников, отмечавших, что намазы совершаются в неприспособленных для богослужения помещениях, в условиях, противоречащих установлениям шариата, по-видимому, также укрепили падишаха в мысли о необходимости помочь петербургским мусульманам в строительстве мечети.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Османском архиве при Премьер-министре Турецкой Республики (Başbakanlık Osmanlı Arşivi) (Стамбул) в фонде «Россыпь документов дворца Йылдыз»* (Yıldız Perakende Evrakı). Донесение Абдур-Реззака хранится в подфонде «Адъютанты и Департамент высших военных чинов высочайшей свиты» (Yaveran ve Maiyyet-i Seniyye Erkan-ı Harbiye Dairesi)[8]. Как следует из сопроводительной записки на имя султана (документ № 1), первоначально его письмо-донесение было адресовано одному из султанских адъютантов Дервиш-паше, который, по-видимому, являлся покровителем Абдур-Реззака. В свою очередь, Дервиш-паша счел целесообразным ознакомить с донесением падишаха. Если знакомство последнего с письмом Абдур-Реззака имело место, то, возможно, именно изложенные в нем сведения и наблюдения привлекли внимание монарха к проблеме строительства мечети в Петербурге.

Донесение сеида Абдул-Баки хранится в подфонде «Посольства, консульства и военные атташаты» (Elçilik, Şehbenderlik ve Ataşemiliterlik)[9] упомянутого фонда. В нем сосредоточены документы, напрямую направлявшиеся в резиденцию султана из турецких посольств, консульств и военных атташатов, из зарубежных организаций и обществ, а также донесения и прочие документы, направленные в Главную канцелярию (Başkitabet) султана посольскими советниками, переводчиками, поверенными в делах, заверенные их личной печатью. Публикуемые документы относятся именно к последней разновидности официальных бумаг.

Ксерокопии письма Абдур-Реззака и сопроводительной записки к нему были любезно переданы турецкими архивистами коллегам из Татарстана и ныне хранятся в Национальном архиве РТ. Донесение Абдул-Баки с сопроводительной запиской опубликованы в сборнике «Osmanlı Belgelerinde Kazan» (Казань в османских документах), изданном турецкой архивной службой к 1000-летию Казани[10].

В переводе документов нами в скобках дана транскрипция некоторых специфических терминов с помощью современного турецкого алфавита. Для удобства исследователей даты с лунной хиджры и календаря «руми» переведены на юлианский календарь.

* Дворец «Йылдыз» (русское дореволюционное обозначение — «Ильдыз-Киоск») являлся официальной резиденцией султана Абдул-Хамида II.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. – М., 2000. – С. 194-195. Также см.: Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Часть 1: Аграрный вопрос и крестьянское движение 50-70-х годов. XIX в. – М., Л., – 1936. – 512 с.

2. Ар-Рамзи М. М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-татар. – Оренбург, 1908. – Т. 2. – С. 298-304, 324-325, 326-328.

3. Об одном из таких прошений см.: Мустакимов И. А. Новый документ к истории марийской языческой секты «Кугу сорта» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 75-76.

4. О концепции халифата в мусульманском мире см.: Бартольд В. В. Халиф и султан // Академик В. В. Бартольд. Сочинения. – М., 1966. – Т. VI. – С. 17 – 82.

5. Ван ден Берг Л. В. С. Основные начала мусульманского права согласно учению Абу Ханифы и Шафии. – М., 2005. – С. 44-47.

6. Об истории строительства мечети в Санкт-Петербурге см.: Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII — начало XX в. – Казань, 2003. – С. 96-132.
7. BOA, Y. EE., 7/9 (Публикацию см.: Osmanlı Belgelerinde Kazan. – Ankara, 2005. – № 11 – S. 29-30 (транскрипция), 257 (факсимиле)); BOA, Y. EE., 8/28, л. 2 об. (ксерокопию см.: НА РТ, ф. 169, оп. 1, д. 42, л. 13).
8. BOA, Y. PRK. MYD, 9/37.
9. BOA, Y. PRK. EŞA, 13/54.
10. Osmanlı Belgelerinde Kazan. – Ankara, 2005. – № 9. – S. 21-24 (транскрипция), 251-252 (факсимиле).

Ильяс Мустакимов,
ведущий советник ГАУ при КМ РТ,
Наиль Гарипов,
кандидат исторических наук

№ 1. Сопроводительная записка адъютанта султана Абдул-Хамида II Дервиш-паши на имя падишаха к донесению третьего секретаря османского посольства в Санкт-Петербурге Абдур-Реззака о положении российских мусульман

31 мая 1890 г.

С целью [возможного] получения общих сведений о положении российских мусульман в приложении [к сему] представляю к подножию могущественного августейшего трона направленное Вашему покорному слуге письмо третьего секретаря Петербургского императорского посольства покорнейшего Абдур-Реззак бея — сына покорнейшего Неджиб паши, губернатора [санджака] Сироз — содержащее сведения и наблюдения о препятствиях, с которыми сталкиваются татарские народы, обитающие [в] России, в осуществлении свободы вероисповедания. С указанными препятствиями он ознакомился при проведении некоторых разысканий, на которые его подвигло религиозное рвение.

Решение же всех дел зависит от воли и указа их обладателя — нашего государя.

23 шевваля 1307 г. [хиджры] / 30 мая 1306 г. [руми].

Адъютант Его императорского величества покорнейший Дервиш.

НА РТ, ф. 169, оп. 1, д. 41, л. 52.

№ 2. Письмо-донесение третьего секретаря османского посольства в Санкт-Петербурге Абдур-Реззака адъютанту султана Дервиш-паше о положении российских мусульман

19 мая 1890 г.

Нижайшее донесение.

Видя нынешнюю степень ужесточения московитами (maskoflar)* ранее установленных правил, предпринятого с целью уничтожения религии татарских мусульман, в лице коих мусульманский мир ранее имел здесь могучую преграду против христианства и которые, претерпев кардинальный [исторический] перелом, оказались в плачевном положении в руках врагов веры; вынужденность в настоящее время почти всех из них, [даже и] имея в своей среде многих обладателей богатства и славы, заниматься услужением и тому подобными низкими занятиями, а также то, что в численном отношении, сравнительно с

* Традиционное турецкое наименование русских (здесь и далее подстрочные примечания авторов вступительной статьи).

другими народами, занимая в Российском государстве второе место, ни один из них не состоит на сколько-нибудь заметной и почетной должности, а их падение открыло путь русским, которые, продвинувшись до Туркестана, являющегося источником витязей магометанской веры, схватили мир ислама за сердце и отняли у них* политические свободы, не оставляя им надежды на выздоровление, невозможно не проводить осторожных изысканий по этому вопросу.

Таким образом, и Ваш покорный слуга со времени прибытия в Петербург до сего времени не только не пренебрегал изучением этих обстоятельств, но и, исполняя свои религиозные обязанности, принял участие в праздничном намазе во время прошедшего Праздника разговения**. В связи с тем, что здесь не имеется мусульманской мечети и местом совершения праздничного намаза определен зал Городской думы (Belediye salonu)***, Ваш покорный слуга встретился со здешним татарским имамом Атауллахом-эфенди и известил его о своем намерении. Имам, сказав с укоризной, что до настоящего времени не было случая присутствия [на богослужениях] кого-либо из сотрудников нашего посольства, изъявил большую радость и добавил, что приготовит для меня место в первом ряду [молящихся]. В праздничное утро я, специально заказав богато украшенную карету, отправился к месту совершения намаза. Поднявшись по длинной лестнице и натолкнувшись на большое число нищих мужчин и одетых не по требованиям ислама женщин — мусульман и мусульманок, я вошел в зал, где будет совершаться намаз. Воистину первое впечатление стало ошеломляющим. Со стороны киблы в зале [находились] большие завешанные портреты, а также еще весьма большие портреты: справа — незавешанный [портрет правящего] императора, сзади — покойных императоров Александра II, Николая**** и императриц, [причем] на головах упомянутых лиц [были изображены] кресты. Несуразным было и то, что слева виднелось именуемое по-французски «шапель» собрание изображений Иисуса, Марии и других, кому молятся христиане, с горящей лампадой*****. Вид около семи-восьми сотен мусульман, выстроившихся там рядами, мог бы удивить каждого. У большинства из них на голове была тюбетейка, а рядом — шляпа; у некоторых из них отсутствовали борода и усы, у некоторых были сбриты только усы, у некоторых были раздвоенные бороды — словом, наблюдаемый нами у европейцев, неуместный [для мусульман] внешний вид. Таким же удивительным было зрелище более чем двухсот человек в шляпах, стоявших в одной стороне мечети, то есть зала. Увидев, что входит некто в османской феске и сюртуке, люди стали расспрашивать обо мне у моего слуги, причем на их лицах мелькало выражение неуместного веселья. Имам, прочитав несколько хадисов о достоинствах садака-и фитр******, выступил и на татарско-турецком языке (который я отлично понял) с проповедью относительно опрятности одежды, после чего, взяв в руку длинный посох, взобрался с двух досок — ступеней импровизированного минбара — на свою скамью и прочел хутбу. Упомянув в ней священные имена четырех праведных халифов и прочтя некоторые известные коранические изречения, он, удовлетворившись фразой: «Давайте помолимся также за успех и здравие нашего государя Александра III, его престолонаследника, цесаревича Николая и его достопочтенной супруги», закончил хутбу, после чего был совершен намаз. Затем, после того как имам представил Вашему покорному слуге отставного генерала Чингизхана******* и многих «ханских отпрысков», содержащих рестораны, люди разошлись. Ваш покорный слуга, спускаясь по лестнице, во имя венца Его халифского величества раздал все имевшиеся при себе наличные деньги в качестве милостыни вышеупомянутым нищим.

---

* Имеется в виду российские мусульмане.

** Праздник разговения, отмечаемый 1 шевваля каждого года хиджры, в 1890 г. пришелся на 9 мая по юлианскому календарю.

*** Вероятно, имеется в виду Александровский зал Городской думы Санкт-Петербурга.

**** Имеется в виду император Николай I (1825-1855).

***** Очевидно, имеется в виду иконостас.

****** Обязательная (вâджиб) милостыня, подаваемая во время месяца рамазан (подробнее см.: Хидоя: Комментарии мусульманского права. – Ташкент, 1994. – С. 118-120).

******* Очевидно, имеется в виду генерал-лейтенант Султан Хаджи Губайдулла Джангир-оглы Чингис-хан (1840-?), сын правителя Букеевской орды Джангир-хана. Являлся одним из активных деятелей мусульманской общины Санкт-Петербурга. Входил в состав «Комитета по постройке соборной мечети в Санкт-Петербурге», образованного в 1906 г. (см.: Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII — начало XX вв. – Казань, 2003. – С. 112-113).

Русские, с целью христианизации мусульман проведя необходимые исследования через посредство миссионерской организации, расположенной в городе Казани, начали постепенно вмешиваться в дела свободного отправления их культа и, прибавив для имамов условие получения образования и воспитания в русской школе*, вынудили внести некоторые изменения и в хутбу. Этим, а также условием постоянного присутствия полицейских на богослужениях, оставлением мусульман в невежестве**, стремлением писать и распространять среди мусульман [книги] по истории ислама и некоторые религиозные рассказы, отражающие русскую точку зрения, а также многими другими инициативами они добились того, что твердо придерживающиеся своей религии здешние мусульмане поставлены в условия, способствующие ее элементарному забвению.

Хотя и нет оснований сомневаться в благочестии имама Атауллаха-эфенди, [все же] он получил образование в русской школе, русские выдают ему законное жалованье, а также дали ему чин, соответствующий чину улá (ûlâ rütbesi)***. Здешние мусульмане знают, что Атауллах-эфенди со своей шляпой и служебным мундиром ушел к русским****, и многие не любят его [за это].

В любом случае решение этого вопроса находится в Вашей власти.

18 мая [1]306 г. [руми].

Третий секретарь Петербургского императорского посольства покорнейший [Абдур-Реззак].

НА РТ, ф. 169, оп. 1, д. 41, л. 53.

№ 3. Сопроводительная записка первого секретаря османского посольства в Санкт-Петербурге Абдул-Баки в Главную канцелярию султана к своему донесению на имя падишаха о положении российских мусульман

28 апреля 1891 г.

Нижайшее донесение.

Сим осмеливаюсь просить Ваше превосходительство о представлении к высочайшему порогу халифского величества прилагаемой докладной записки (laiha), составленной в дополнение к ранее представленному мной рапорту (ariza) о положении российских мусульман.

Решение же этого вопроса зависит от Вашего благоусмотрения.

1 шевваля [1]308 г. [хиджры].

Первый секретарь Петербургского императорского посольства нижайший эс-сейид Абдул-Баки.

Помета: Первая записка***** зарегистрирована в разделе «Внешние сношения» книги учета [входящей корреспонденции] под номером 2217 от рамазана [1]308 г. (Birinci yazı 2217 sayı ile Ramazan [1]308 tarihiyle kayd defterinin hariciyye kısmında mukayyeddir).

Osmanlı Belgelerinde Kazan. – Ankara, 2005. – № 9. – S. 23-24 (транскрипция), 252 (факсимиле).

---

* Имеется в виду высочайшее повеление императора Александра III от 16 июня 1888 г. «О введении образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания по округу Оренбургского духовного собрания». Этот акт предписывал всем кандидатам на должность заседателя Оренбургского магометанского духовного собрания образовательный ценз в объеме курсов четырех первых классов гимназии, или уездного и городского училищ, или татарской учительской школы, или, по крайней мере, курса двухклассного начального народного училища. Кандидатам на духовные должности в городском приходе предписывался ценз в объеме курса одноклассного начального народного училища, претендентам на должности сельских мулл было необходимо предоставить свидетельство уездного училищного совета о знании русской разговорной речи и чтения. Высочайшее повеление вступало в силу с 1 января 1891 г. и не распространялось на лиц, ранее занявших эти должности.

** Имеется в виду религиозное невежество. Очевидно, здесь подразумеваются попытки русификации мусульман, прежде всего связанные с принятием российским правительством правил, которые приверженцы ислама расценивали как препятствие для получения мусульманского духовного образования.

*** Ûlâ rütbesi, rütbe-i ûlâ — чин государственного гражданского служащего в Османской империи. Делился на две категории – ûlâ evveli (ула первого класса) и ûlâ sânîsi (ула второго класса). Чин ûlâ evveli, или просто ûlâ (ула), соответсвовал воинскому чину генерал-лейтенанта, ûlâ sânîsi — чину генерал-майора (Pakalın M. Z. Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü. – İst., 2004. – Cilt III. – S 542, 544).

**** Т. е. стал представителем русского общества, противопоставляемого автором документа мусульманской общине империи.

***** Имеется в виду упомянутый в тексте документа рапорт о положении российских мусульман.

№ 4. Донесение (ляиха) первого секретаря османского посольства в Санкт-Петербурге сеида Абдул-Баки на имя султана о положении российских мусульман

28 апреля 1891 г

В представленной мною ранее ляихе о положении российских мусульман говорилось, что, хотя внешне Российское государство как будто не притесняет своих мусульманских подданных, в действительности в отношении мусульман оно осуществляет дискриминацию и прилагает усилия к их русификации. Поскольку порядок отправления праздничного богослужения[*] в Петербурге явился бы красноречивым показателем политики, проводимой указанным государством в отношении мусульман, и их [истинного] положения, считаю своим верноподданническим долгом представить к высочайшему порогу халифского величества свои наблюдения на этот предмет.

Как изложено в ранее представленной ляихе, в связи с отсутствием в Петербурге мечети пятивременные намазы (vakit namazları) совершаются в некоторых частных помещениях[**]. Однако для совершения праздничных намазов, в связи с многочисленностью верующих, российским правительством, внешне с целью продемонстрировать свое благорасположение к мусульманам, на деле же для надзора и контроля за собравшимися, выделяется два — три места. Важнейшим из них является зал Петербургской городской думы (Petersburg Belediye Dairesi salonu)[***]. Будучи наслышан, что там собирается много верующих, я предпочел побывать там. Принимая в соображение, что надетая феска будет всем бросаться в глаза, а это помешает в наблюдениях, дабы быть неузнанным я надел татарский колпак (Tatar kalpağı) и направился к названному месту. Подъехав к дверям [зала], я увидел прибывающих мужчин в шляпах. Их внешний вид давал повод принять их за русских, однако я был удивлен, услышав, что они приветствуют друг друга по мусульманскому обычаю. Некоторые из них, войдя внутрь помещения, оставляли шляпы привратнику, вынимали из карманов и надевали тюбетейки и колпаки (takke ve kalpak), некоторые же прямо в шляпах поднимались наверх, что привело меня в чрезвычайное изумление. Наконец ничтожный также поднялся наверх и вошел в большой зал, долженствовавший служить местом богослужения. Хотя в этом зале, предназначенном для проведения больших званых вечеров и заседаний Городской думы, мебель и была сдвинута к одному краю, что открыло пространство для молящихся, все же пять-шесть висящих на стене очень больших писанных маслом картин не были сняты, и лишь картины, висевшие в стороне киблы, были завешаны полотном. Находившиеся же по сторонам и позади молящихся [картины] остались незавешанными. На завешанных картинах, висевших в стороне киблы, оставались украшения в форме креста. На открытых картинах были изображены в натуральный рост нынешний император Александр III, один из его почтенных предков Александр I и его отец Александр II. Осмотрев стены этого зала, более походившего на музей, вернее, на церковь, я обратил внимание на собравшихся [мусульман]. Их было около трехсот, некоторые из них были в чалмах, часть — в тюбетейках или колпаках, но были и надевшие шляпу. На голые доски полированного пола, сделанного очень удобным для танцев, в качестве молитвенных ковриков пришедшие расстелили принесенные с собой белые покрывала. В стороне киблы в качестве минбара была поставлена лестница из двух ступеней. Во всех концах Мусульманских Владений (Memalik-i İslamiyye)[****] соблюдается единогласное произнесение время от времени такбира правоверными, собравшимися в мечети для совершения праздничной молитвы. Здешние же мусульмане не произнесли ни слова, словно обвиняемые [на суде], а большинство присутствовавших [казалось] не имели представления о[б] [мусульманском] этикете и обычаях исполнения религиозных обрядов. Когда я, увидев все это и стараясь не выдать своих ощущений, повторял про

[*] Имеется в виду намаз по случаю Праздника разговения.

[**] В XIX в. для совершения намазов (в основном пятничных) использовались частные квартиры имамов (см.: Загидуллин И. К. Исламские институты в Российской империи: Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII — начало XX вв. – Казань, 2003. – С. 53). В дни религиозных праздников арендовались специальные помещения (зал Дворянского собрания, Александровский зал Городской думы, Конногвардейский манеж, губернская земельная управа и др.).

[***] Вероятно, имеется в виду Александровский зал Городской думы Санкт-Петербурга.

[****] Одно из наименований Османской империи.

себя: «Господь! Сделай сущим до Дня Воскресения священный Османский султанат, являющийся защитником и хранителем мусульманской общины, даруй доброе здравие наследнику этого султаната, поборнику [мусульманского] шариата, священнейшей особе нашего государя, и сохрани его на престоле могущества, [ибо] на этом султанате зиждется величие Ислама, а счастье правоверных — на особе нашего государя», мои мысли прервал призыв муэдзина на молитву. Атауллах-эфенди Баязидов, содержание моей беседы с которым было изложено в предыдущем донесении, прошел к михрабу. В безмолвии был совершен намаз, не сопровождавшийся громкими такбирами муэдзина. Вслед за этим, взойдя на лестницу, служившую минбаром, имам прочитал хутбу, в которой некоторые моменты привлекли мое нижайшее внимание. Во-первых, при упоминании имен четырех праведных халифов в отношении ни одного из них [имам] не употребил фразу «истинный наместник Посланника Аллаха» (Halîfetü Rasulullahi ale't-tahkîk), ограничившись именованием их «повелителями правоверных» (Emîrü'l-mü'minîn). Весьма вероятно, что именование четырех праведных халифов, вопреки традиции, лишь «повелителями правоверных» более связано с раздражением российского правительства фразой «наместник Посланника Аллаха» (Halîfe-i Rasulullah), нежели с обычаем, распространенным среди татар. Завершив хутбу, хатиб перешел к проповеди (va'z) на татарском языке, произнес несколько молитвословий в адрес царя и сошел с минбара. Наличие в прочитанной хутбе, помимо вышеизложенных, и более мелких отличий от хутб, читаемых в Османском государстве, указывает либо на то, что хутба подверглась российским правительством цензуре, либо на то, что татары, во избежание неприятностей, сами внесли изменения в ее содержание. В особенности то, что хатиб читал проповедь (va'z u nasîhat), по сути являющуюся молитвой за царя, не сходя с минбара и только на тюркском языке, по-видимому, связано с желанием подчеркнуть отсутствие связи между хутбой и молитвой за царя.

Будучи убежденным в том, что наблюдения, которые я подробно изложил выше, позволят сделать выводы о положении российских мусульман, осмеливаюсь представить их, а также, приложением к моей нижайшей ляихе, вырезку статьи, недавно опубликованной в петербургской газете «Новое время» в ответ на реддийе* Атауллаха эфенди, к высочайшему порогу.

1 шевваля 1308 г. [хиджры].

Один из секретарей Петербургского императорского посольства покорнейший эсеид Абдул-Баки.

Osmanlı Belgelerinde Kazan. – Ankara, 2005. – № 9. – S. 21-23.

Перевод документов с османско-турецкого языка
Ильяса Мустакимова,
ведущего советника ГАУ при КМ РТ

* Реддийе — полемическое сочинение в защиту мусульманской религии, как правило, от критических работ христианских миссионеров и ученых.